

СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ И ОТТОН I: РЕЧИ ПЕРЕД БИТВОЙ

В древнерусском Начальном летописании под 971 г., в рассказе о балканской войне Святослава Игоревича, приводятся две речи князя. Первая, краткая, звучит в ходе неудачно вначале складывавшегося сражения с болгарами: «Уже нам здѣ пасти; потягнемъ мужескы, о братье и дружино!»¹. Вторую Святослав произносит перед битвой с превосходящими силами византийцев: «Видѣвъши же Русь, убояшася зѣло множества вои; и рече имъ Святославъ: “уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускыя, но ляжемъ костью ту (вар.: но ляжемъ костью), мертви бо срама не имут; аще ли побѣгнемъ, то срамъ имамъ, и не имамъ убѣжати, нѣ станемъ крепко, азъ же предъ вами поиду; аще моя глава ляжетъ, то промыслите о собѣ”. И рѣша вои: “гдѣ, княже, глава твоя, ту и главы наша сложимъ”»².

Рассказ о балканских войнах Святослава в летописи носит легендарный характер. Из сочинения современника событий византийского хрониста Льва Диакона ясно, что военные действия разворачивались совершенно иначе³. Но как раз речи Святослава имеют в повествовании Льва Диакона аналогию. Русский князь, будучи осажден императором Иоанном Цимисхием в Доростоле на Дунае, произносит речь на военном совете перед последней битвой у стен города: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском россос, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабошавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством (которое завещали) нам предки, вспомним о том, что мощь россос до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; (мы должны) либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, (достойные) доблестных мужей»⁴ (οἴχεται τὸ κλέος, ἔφη, ὁ τῆ Ῥωσικῆ πανοπλῖα συνείπετο, τὰ πρόσοικα καταστροφομένη ἔθνη ἀπονῆτι, καὶ χώρας ὅλας ἀνδραποδιζομένη ἀναιμωτῖ, εἰ νῦν ἀκλεῶς Ῥωμαίοις ὑπείξομεν. ἀλλὰ γὰρ, τὴν ἐκ προγόνων ἀνειληφότες ἀρετῆν, ἀναλογισάμενοι τε, ὡς ἀκαταγώνιστος ἡ Ῥωσικὴ μέχρι καὶ τήμερον καθέστηκεν ἀλκή, ἐκθύμως ὑπὲρ τῆς σφῶν σωτηρίας διαγωνισώμεθα. οὐδε γὰρ ἔθμιον ἡμῖν θεύγουσιν ἐς τὴν πατρίδα φοιτᾶν, ἀλλ’ ἢ νικῶντας ζῆν, ἢ εὐκλεῶς τελευτᾶν, ἔργα ἐπιδειγμένους γενναίων ἀνδρῶν)⁵.

Сходное изложение речи Святослава приводит византийский хронист конца XI — начала XII в. Иоанн Скилица (использовавший общий с Львом Диаконом источник [Сюзюмов, с. 159—163; Грацианский]), только в более кратком варианте и не прибегая к прямой речи: «Свендослав же убедил их решиться на еще одну битву с ромеями и — либо, отлично сражаясь, победить врага, либо, будучи побежденными, предпочесть постыдной и позорной жизни славную и блаженную смерть. Ибо как возможно было бы им существовать, найдя спасение в бегстве, если их легко станут презирать соседние народы, которым они прежде внушали страх?»⁶ (ὁ Σφενδοσθλάβος παρήγει μᾶλλον ἐτι ἀπαξ πολεμῆσαι Ῥωμαίοις, καὶ ἢ καλῶς ἀγωνισαμένους ἐπικρατεῖς τῶν ἐναντίων γενέσθαι, ἢ ἡττηθέντας αἰσχίστης ζωῆς καὶ ἐπονειδίστου εὐκλεᾶ καὶ μακάριον προτιμήσασθαι θάνατον. ἀβίωτον γὰρ ἔσται αὐτοῖς δρασμῶ τὴν σωτηρίαν πορισάμενοις, εἴπερ μέλλοιεν εὐκαταφρόνητοι ἔσεσθαι τοῖς γειτονοῦσιν ἔθνεσιν, ἃ τὸ πρόσθεν αὐτοῦς σφοδρῶς ἐδεδῖεσαν⁷).

Текстуальное сходство речи, приведенной Львом Диаконом и пересказанной Скилицей, с теми, что записаны в летописи, отмечалось не раз [Повесть временных лет, с. 317; Левченко, с. 283—284; Королев, с. 206]. Действительно, сопоставление не оставляет возможности допустить случайное совпадение.

1. «Потягнемъ мужескы» — «проникнемся мужеством» (ἀνειληφότες ἀρετῆν) — совпадение дословное⁸.

2. «да не посрамимъ землѣ Рускыя» — «легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабошавшим целые страны... мощь россос до сих пор была несокрушимой» (τὰ πρόσοικα καταστροφομένη ἔθνη ἀπονῆτι, καὶ χώρας ὅλας ἀνδραποδιζομένη ἀναιμωτῖ... ὡς ἀκαταγώνιστος ἡ Ῥωσικὴ μέχρι καὶ τήμερον

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 121; ср.: ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 69; М., 2001. Т. II. Стб. 57. Повествование о балканских войнах Святослава входило, скорее всего, в древнейшее ядро летописного повествования, запись которого исследователями датируется концом X или началом XI в. (см. об этом: [Гиппиус, с. 20—26; Михеев, с. 52—101, 117—123, 222]). В дальнейшем для краткости древнерусский вариант изложения речей Святослава обозначается как принадлежащий «летописи».

² НПЛ. С. 122; ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 70; Т. II. Стб. 58.

³ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 43—44, 55—59, 66—83.

⁴ Там же. С. 79 (перевод М. М. Копыленко).

⁵ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem. Bonnae, 1828. P. 151. IX, 7.

⁶ Лев Диакон. История. С. 130 (перевод рассказа Скилицы о русско-византийской войне С. А. Иванова).

⁷ Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 306.

⁸ Кроме того, словам «Уже нам здѣ пасти; потягнемъ мужескы» по смыслу соответствует концовка речи Святослава по Льву Диакону: «умереть со славой, совершив подвиги, (достойные) доблестных мужей» (εὐκλεῶς τελευτᾶν, ἔργα ἐπιδειγμένους γενναίων ἀνδρῶν).

καθέστηκεν ἄλλῃ) — присутствует общий мотив славы Руси (у Льва Диакона в развернутом виде, в летописи — в лаконичной форме).

3. «ляжемъ костью ту, мертвии бо срама не имутъ» — «умереть со славой» (εὐκλεῶς τελευτῆν) — один и тот же смысл.

4. «Аще ли побѣгнемъ, то срамъ имамъ» — «Погибла слава... если мы теперь позорно отступим перед ромеями» (οἴχεται τὸ κλέος... εἰ νῦν ἀκλεῶς Ῥωμαίους ὑπείξομεν) — совпадение дословное.

5. «Не имамъ убежати» — «Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством» (οὐδε γὰρ ἔθιμον ἡμῖν θεύγουσιν ἐς τὴν πατρίδα φοιτῆν) — совпадение дословное.

6. «станемъ крепко» — «будем ожесточенно сражаться за свою жизнь» (ἐκθύμως ὑπὲρ τῆς σφῶν σωτηρίας διαγωνισώμεθα) — совпадение практически дословное.

Совпадают, таким образом, шесть мотивов, при этом в четырех встречается дословное совпадение. Объяснить такое сходство можно либо текстуальным заимствованием, либо тем, что имела место реальная речь Святослава, которая получила значительную известность, передавалась изустно и в русской, и в византийской среде, в результате чего дошла и до летописца, записавшего ее (в виде двух речей⁹) в конце X или начале XI в., и до греческого хрониста. Византийских сочинений, посвященных балканской войне Святослава, русские летописцы не знали. Выдвигалось (хотя и не получило значительной поддержки) предположение, что летописный рассказ об этой кампании мог опираться на какую-то болгарскую хронику, передающую византийскую версию событий (возможно, принадлежащую общему источнику Льва Диакона и Скилицы) ([Шахматов, с. 94–95; Сюзюмов, с. 162]; см. критику этой точки зрения: [Толочко]).

Но до сих пор не обращалось внимания на то, что речи Святослава в летописи и у Льва Диакона — Скилицы имеют сходство, и весьма близкое, с еще одной речью, произнесенной шестнадцатью годами ранее другим правителем, современником Святослава. Это речь германского короля Оттона I, в 955 г. перед решающей битвой с венграми на р. Лех, положившей конец венгерской экспансии в Центральной Европе. Самая ранняя запись этой речи — в «Деяниях саксов» Видукинда Корвейского, современника событий: «Нам необходимо запастись мужеством в столь тяжелом испытании, мои воины; это видно и вам самим, ибо вы имеете дело с противником, стоящим не [где-то] вдали от вас, а [непосредственно] перед вами. До сих пор с помощью ваших неутомимых рук и вашего славного непобедимого оружия я одерживал победы везде за пределами моей страны и державы, так неужели же мне теперь в своей земле, своем королевстве, надо показать [врагам] спину? Знаю, что противник превосходит нас числом, но не доблестью и не оружием; как нам известно, значительная часть [вражеского войска] совершенно лишена всякого оружия и, что служит нам величайшим утешением, лишена Божьей помощи. Им служит оплотом лишь собственная дерзость, нам же — надежда на Бога и его покровительство. Позорно было бы, если бы мы, ныне повелители почти всей Европы, сдались врагам. Уж лучше, если близок конец, мои воины, со славой умрем, чем, поддавшись врагу, будем в рабстве влачить нашу жизнь или подобно несчастным животным кончать ее на виселице. Я бы сказал больше, мои воины, если бы я знал, что с помощью слов можно увеличить доблесть и смелость в ваших душах. Лучше уж начнем беседу [с врагом] с помощью меча, чем с помощью языка». Сказав это, он поднял щит и священное копье и первым направил коня на врага, выполняя обязанность и храбрейшего воина, и выдающегося полководца¹⁰ (“Opus esse nobis bonorum animorum in hac tanta necessitate, milites mei, vos ipsi videtis, qui hostem non longe, sed coram positum tolerates. Nactenus enim inpigris manibus vestris ac armis semper invictis gloriose usus extra solum et imperium meum ubique vici, et nunc in terra meo et regno meo terga vertam? Superamur, scio, multitudine, sed non virtute, sed non armis. Maxima enim ex parte nudos illos armis omnibus penitus cognovimus et, quod maximi est nobis solatii, auxilio Dei. Illis est sola pro muro audacia, nobis spes et protectio divina. Pudeat iam nunc dominos pene totius Europae inimicis manus dare. Melius bello, si finis adiacet, milites mei, gloriose moriamur, quam subiecti hostibus vitam serviliter ducamus aut certe more malarum bestiarum strangulo deficiamus. Plura loquerer, milites mei, si nossem verbis virtutem vel audaciam animis vestris augeri. Modo melius gladiis quam linguis colloquium incipiamus”. Et his dictis, arrepto clipeo ac sacra lancea, ipse primus equum in hostes vertit, fortissimi militis ac optimi imperatoris officium gerens¹¹).

⁹ Не исключено, впрочем, что разделения речи Святослава на две изначально не было. Под 1068 г. «Повесть временных лет» приводит слова, сказанные правнуком и тезкой Святослава Игоревича черниговским князем Святославом Ярославичем перед битвой с превосходящими силами половцев: «И рече дружинѣ своеи: потягнѣмъ, уже нам не лъзѣ камо ся дѣти» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 172; ср.: Т. II. Стб. 161). Это явное подражание речи знаменитого предка, причем первые слова («потягнѣмъ», и «дружина» как адресат обращения) в статье 971 г. читаются в его призыве в ходе битвы с болгарями, а последующие — в обращении перед сражением с греками. Возможно, «раздвоение» речи произошло уже на каком-то этапе летописной работы, а первоначально существовала и передавалась в устной традиции одна речь, начинавшаяся с призыва «потягнути мужескы».

¹⁰ Перевод Г. Э. Санчука (*Видукинд Корвейский. Деяния саксов*. М., 1975. С. 185), с некоторыми уточнениями, которыми автор этих строк обязан И. И. Аникьеву.

¹¹ Widukindi monachi Corbeiensis rerum gestarum Saxoniarum. III, 46 // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumenta Germaniae historica separatim editi. Hannoverae, 1935. P. 127–128.

Между летописными речами Святослава и речью Оттона обнаруживаются следующие параллели:

1. «Уже нам здѣ пасти» — «если близок конец» (*si finis adiacet*) — один и тот же смысл.
2. «Потягнемъ мужескы, о братье и дружино» — «Нам необходимо запастись мужеством в столь тяжелом испытании, мои воины» (*Opus esse nobis bonorum animorum in hac tanta necessitate, milites mei*) — совпадение дословное¹².
3. «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу» — «вы имеете дело с противником, стоящим не [где-то] вдали от вас, а [непосредственно] перед вами» (*hostem non longe, sed coram positum tolerates*) — один и тот же смысл, констатация неизбежности битвы.
4. «да не посрамимъ землѣ Рускыя» — «До сих пор с помощью ваших неутомимых рук и вашего славного непобедимого оружия я одерживал победы везде за пределами моей страны и державы, так неужели же мне теперь в своей земле, своем королевстве, надо показать [врагам] спину?» (*Hactenus enim inpigris minibus vestris ac armis semper invictis gloriose usus extra solum et imperium meum ubique vici, et nunc in terra meo et regno meo terga vertam?*) — сходно упоминание своей земли¹³.
5. «ляжемъ костью ту, мертвии бо срама не имут» — «со славой умрем» (*gloriose moriamur*) — один и тот же смысл.
6. «Аще ли побѣгнемъ, то срамъ имамъ» — «надо показать [врагам] спину? ...Позорно было бы, если бы мы... сдались врагам» (*terga vertam? ...Pudeat iam... inimicis manus dare*) — близко по смыслу и включает дословное совпадение¹⁴.
7. «азъ же предъ вами поиду» — «он поднял щит и священное копье и первым направил коня на врага» (*arrepto clipeo ac sacra lancea, ipse primus equum in hostes vertit*) — один и тот же мотив: правитель первым идет в бой; в летописи он включен в речь, у Видукинда описан как действие короля.

Совпадает также мотив численного превосходства противника: у Видукинда он звучит в речи Оттона (*Superatur, scio, multitudine*), в летописи об этом сказано до речи Святослава: против 10 тысяч его воинов греки выставили 100 тысяч, и «видѣвши же Русь, убояшася зѣло множества вои»¹⁵.

Не менее значительно сходство со словами Оттона речи Святослава в изложении Льва Диакона.

1. «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском россос, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабоцавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями» (*οἴχεται τὸ κλέος... ὃ τῆ Ῥωσικῆ πανοπλίᾳ συνείπετο, τὰ πρόσοικα καταστροφομένη ἔθνη ἀπονητῖ, καὶ χώρας ὄλας ἀνδραποδιζομένη ἀναίμωντι, εἰ νῦν ἀκλεῶς Ῥωμαίοις ὑπείξομεν*) — «До сих пор с помощью ваших неутомимых рук и вашего славного непобедимого оружия я одерживал победы везде за пределами моей страны и державы, так неужели же мне теперь в своей земле, своем королевстве, надо показать [врагам] спину? ...Позорно было бы, если бы мы... сдались врагам» (*Hactenus enim inpigris minibus vestries ac armis semper invictis gloriose usus extra solum et imperium meum ubique vici, et nunc in terra meo et regno meo terga vertam? ...Pudeat iam... inimicis manus dare*) — совпадение местами дословное.
2. «проникнемся мужеством» (*ἀνειληφότες ἀρετῆν*) — «Нам необходимо запастись мужеством в столь тяжелом испытании» (*Opus esse nobis bonorum animorum in hac tanta necessitate*) — дословное совпадение.
3. «легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабоцавшим целые страны... мощь россос до сих пор была несокрушимой» (*τὰ πρόσοικα καταστροφομένη ἔθνη ἀπονητῖ, καὶ χώρας ὄλας ἀνδραποδιζομένη ἀναίμωντι... ὡς ἀκαταγώνιστος ἡ Ῥωσικῆ μέχρι καὶ τήμερον καθέστηκεν ἀκτῆ*) — «мы, ныне повелители почти всей Европы» (*nunc dominos pene totius Europae*) — один и тот же мотив прежних побед и славы.
4. «Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством» (*οὐδε γὰρ ἔθμιον ἡμῖν θεύγουσιν ἐς τὴν πατρίδα φοιτῆν*) — «надо показать [врагам] спину?» (*terga vertam?*) — один и тот же смысл.
5. «(мы должны) либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой» (*ἀλλ' ἢ νικῶντας ζῆν, ἢ εὐκλεῶς τελευτῆν*) — «со славой умрем» (*gloriose moriamur*) — совпадение дословное.

Сходство речи Оттона с речами Святослава в русском и греческом изложении, таким образом, не меньшее, чем между речами русского князя по летописи и Льву Диакону. Случайность совпадений поэтому исключена. Даже если допустить, что фразы о необходимости проявить мужество, позорности бегства и готовности умереть со славой — некие топосы, которые могли появиться независимо, остается

¹² «Братья и дружино» — естественный для русского князя эквивалент обращения «*milites mei*».

¹³ «Земля» в древнерусском языке соответствовало как лат. *terra*, так и *regnum*.

¹⁴ Др.-русс. *срамъ* — точное соответствие лат. *rudor*.

¹⁵ НПЛ. С. 121–122; Ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 70; Т. II. Стб. 57–58.

близкое сходство мотивов 1 и 3 между летописью и Видукиндо и 1 и 3 между Львом Диаконом и Видукиндо. Впрочем, на самом деле других сопоставимых, с дословными совпадениями, аналогий и для названных выше на первый взгляд напрашивающихся в речи перед битвой мотивов не обнаруживается. Так, признано, что речь Оттона в изложении Видукинда испытала влияние античного источника — речи Катилины по Саллюстию¹⁶. Однако при этом в речи Катилины мотив необходимости сражаться мужественно хотя и присутствует, но текстуальное сходство меньше, чем между речами Оттона и Святослава, о пагубности бегства говорится, но без указания на постыдность этого поступка, а мотив гибели со славой не звучит вовсе¹⁷; то есть даже во фрагменте, текстуально несомненно связанном с изложением речи Оттона Видукиндо, сходство с ней слабее, чем между речью Оттона и речами Святослава в русском и греческом изложении.

Фактически не вошли в речи Святослава только мотивы, неуместные в обстановке русско-византийской войны, — о плохом вооружении противника и отсутствии у него Божьей помощи, а также заимствованный Видукиндо из речи Катилины — о бесполезности слов при отсутствии храбрости. По сути дела, речь Оттона и речи Святослава в летописи и у Льва Диакона (и Скилицы) — три варианта одной и той же речи, с поправкой на различие языков и исторических ситуаций. При этом некоторые мотивы присутствуют во всех трех вариантах, некоторые же — только в русском и греческом, русском и латинском или греческом и латинском (см. таблицу 1). Версия о болгарском источнике-посреднике между византийским изложением событий и летописью, следовательно, должна отпасть: она, во-первых, требует допущения знакомства составителя общего источника Льва Диакона — Скилицы с речью Оттона; во-вторых, никаким допущением не объяснить, как возникло большее сходство с нею некоторых мест летописных речей в сравнении с изложением Льва Диакона и Скилицы (параллели 1, 2 и 3 между летописью и Видукиндо)¹⁸. И, следовательно, единственной версией появления связи между речами Оттона и Святослава может быть предположение, что реальная речь русского князя, отразившаяся независимо в летописи и у Льва Диакона — Скилицы, подражала речи Оттона.

¹⁶ Видукинд Корвейский. Деяния саксов. С. 252 (коммент. 4 к гл. 46 кн. 3). Заимствования из сочинения Саллюстия «О заговоре Катилины» встречаются у Видукинда и в других местах (см.: [Санчук, с. 32]).

¹⁷ «Мне хорошо известно, воины, что слова доблести не прибавляют и что никакими речами не сделаешь вялого проворным или робкого храбрым. Сколько отваги вложено в душу природою или привычкою, столько всегда и обнаруживается на войне. Кого не волнует ни слава, ни опасности, тот глух к любым призывам: страх в сердце закладывает уши. Но я-то собрал вас, чтобы кое о чем напомнить, и еще — чтобы объяснить причину моего решения. Вы знаете, воины, какое несчастье принесли нам малодушие и беспечность Лентула, знаете, как случилось, что я не мог выступить в Галлию, ожидая подкреплений из Рима. Каковы наши дела теперь, вы видите не хуже моего. Два вражеских войска отрезают нас, одно — от Рима, другое — от Галлии. Оставаться здесь дольше мы не могли бы и при самом горячем желании — нас гонит нужда в продовольствии и в иных припасах. И куда бы ни надумали мы двинуться, путь надо прокладывать железом. Поэтому я напоминаю вам: будьте отважны и решительны и, вступая в бой, еще раз подумайте о том, что свое богатство, честь, славу, мало того — самую свободу и отечество вы держите в руке, стиснувшей меч. Если мы побеждаем, нам обеспечено все — будет вдоволь еды, муниципии и колонии распахнут свои ворота. Если дрогнем в страхе, все обратится против нас — ни одна земля, ни один друг не защитит того, кого не защитило собственное оружие. Далее, воины, противник совсем не в той же крайности, в какой мы с вами: мы бьемся за отечество, за свободу, за жизнь — за власть немногих сражаться не обязательно. Ударим же тем смелее, не забудем прежнюю нашу отвагу! Вы могли бы влечить позорную жизнь в изгнании, иные могли бы оставаться и в Риме, потеряв свое добро, но рассчитывая на чужие подачки, однако вы полагали это низостью, непереносимою для мужчины, и постановили следовать за нашими знаменами. Если теперь вы хотите с ними расстаться, нужна храбрость, ибо только победитель может сменить войну на мир. Искать спасения в бегстве, отнимая от вражеской груди свое оружие — единственную свою надежду, — чистейшее безумие! В любом сражении всего опаснее тому, кто трусит всех больше. Храбрость — та же стена! Когда я гляжу на вас, воины, когда думаю о ваших подвигах, твердая надежда на победу владеет мною. Меня ободряет ваш пыл, ваш возраст, ваше мужество, сама крайность, наконец, которая и робким сообщает отвагу. Что же до неприятельского перевеса в силах, нас мешает окружить теснота позиции. А если тем не менее судьба не будет благосклонна к вашей доблести, смотрите, чтобы не потерять жизнь задаром, чтобы вас не захватили и не перерезали как баранов, но бейтесь, как подобает мужчинам, и победу врагам оставьте кровавую и скорбную!» (Историки Рима. М., 1970. С. 67–68; лат. текст см.: К. Саллюстия Криспа история о войне Катилины и о войне Югурфы. Б. м., б. г. С. 138, 140). Речь Катилины из сочинения Саллюстия была использована веком позже Видукинда Вильгельмом из Пуатье — для изложения речи Вильгельма Завоевателя перед битвой при Гастингсе 1066 г. (The Gesta Guillelmi of William of Poitiers. Oxford, 1998. P. 124, 125 (Note 5), 126).

¹⁸ Даже если допустить совсем уж фантастическую версию о независимом использовании текста Видукинда для конструирования речей Святослава и в византийском и в русском источниках, останется необъяснимым наличие индивидуального совпадения между летописью и Львом Диаконом («станем крепко» — «будем ожесточенно сражаться»).

Летопись	Лев Диакон	Видукинд
<p>Уже нам здѣ пасти; потягнемъ мужескы, о братѣ и дружино! ...Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускыя, но ляжемъ костью ту, мертвии бо срама не имут; аще ли побѣгнемъ, то срамъ имамъ, и не имамъ убѣжати, нѣ станемъ крепко</p>	<p>Погибла слава, которая шествовала вслед за войском россов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабоцавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. И так, проникнемся мужеством (которое завещали) нам предки, вспомним о том, что мощь россов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; (мы должны) либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, (достойные) доблестных мужей</p>	<p>Нам необходимо запастись мужеством в столь тяжелом испытании, мои воины; это видно и вам самим, ибо вы имеете дело с противником, стоящим не [где-то] вдали от вас, а [непосредственно] перед вами. До сих пор с помощью ваших неутомимых рук и вашего славного непобедимого оружия я одерживал победы везде за пределами моей страны и державы, так неужели же мне теперь в своей земле, своем королевстве, надо показать [врагам] спину? ... Позорно было бы, если бы мы, ныне повелители почти всей Европы, сдались врагам. Уж лучше, если близок конец, мои воины, со славой умрем</p>

Благодаря в первую очередь трудам А. В. Назаренко ныне не вызывает сомнений, что между Русью и Германией связи во второй половине X столетия не просто существовали, но были достаточно постоянными [Назаренко, 1994, с. 61–138]. В 959 г. мать Святослава и правительница Руси Ольга отправила посольство к Оттону с просьбой прислать на Русь епископа. Результатом стал приезд в Киев в 961 г. епископа Адальберта, имевшего опыт миссионерской деятельности у западных славян. Итог миссии оказался неудачен (исследователи полагают, что сыграла роль позиция Святослава, сохранявшего, по летописному свидетельству, верность язычеству), но Адальберт пребывал некоторое время на Руси²⁰. Разумеется, он и его спутники общались в первую очередь с правящим семейством — Ольгой и Святославом. Имея целью вовлечение Руси в лоно римской церкви, они должны были говорить о могуществе своего государя, коль скоро успех миссии сулил Руси союз с ним. Самой же славной (и совсем недавней) победой Оттона был разгром, учиненный хорошо знакомым Руси венграм. Возможно, содержание речи Оттона, произнесенной перед этим сражением, стало известно Святославу еще тогда. Позже, в конце 60-х годов X в., имели место дипломатические контакты между Русью и Германией, приведшие к военно-политическому союзу двух государств, направленному против Византии [Назаренко, 1994, с. 80–98; Назаренко, 2001, с. 311–338]; информация о знаменитой речи императора могла быть доведена до Святослава и во время этих переговоров²¹.

С воздействием рассказа о победе Оттона может быть сопоставлен еще один упоминаемый Львом Диаконем и оставшийся непонятным факт. Излагая речь Святослава византийским послам во время переговоров, происходивших в 970 г., хронист приводит такую угрозу: «Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию» (εἰ δ' οὐ βούλεσθαι Ῥωμαίους ταῦτα καταβαλεῖν, ἀλλὰ τῆς Εὐρώπης ἕττον ἀφίστασθαι,

¹⁹ Полуужирным шрифтом выделены места, текстуально близкие во всех трех вариантах речи, курсивом — только в русском и греческом, подчеркиванием — только в русском и латинском, полужирным курсивом — только в греческом и латинском.

²⁰ См.: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 101–129; Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2012. Т. IV: Западноевропейские источники. С. 44–49.

²¹ В конце 60-х годов X в. уже несомненно существовало сочинение Видукинда (см.: [Санчук, с. 26–30]), и речь Оттона могла быть изложена в соответствии с его текстом; не исключено, что первая редакция «Деяний саксов», доведенная до 958 г. и включавшая рассказ о битве на Лехе, появилась еще в конце 50-х годов X в. [Санчук, с. 29] — в этом случае ее текст мог быть знаком и кому-то из участников миссии Адальберта. Но поскольку в речи Святослава не вошли мотивы, являющиеся прямыми заимствованиями из Саллюстия, то есть внесенные в речь Оттона Видукиндом (о бесполезности слов при отсутствии храбрости, параллель с идущими на убой животными), вполне возможно, что до русского князя дошел вариант речи германского короля, передававшийся изустно, еще не прошедший книжную обработку; для предположений, с какого языка она переводилась на славянский — с латыни или одного из немецких диалектов (реальную речь Оттон, как саксонец, скорее всего должен был произносить на древненижнемецком), данных недостаточно.

ὡς μὴ προσηκούσης αὐτοῖς, καὶ πρὸς τὴν Ἀσίαν μετασκευάζεσθαι)²². Такое суждение в устах русского князя выглядит на первый взгляд странно²³. Но если у Льва Диякона точно передана речь князя на совете в Доростоле летом 971 г. (которую греки не могли слышать), то содержание переговоров с послами, которые обязаны были передавать императору точные сведения, тем более вряд ли могло быть вымышлено (ср.: [Петрухин, с. 165–166]). Между тем сходство с этими словами Святослава можно усмотреть в речи Оттона: «Позорно было бы, если бы мы, ныне повелители почти всей Европы, сдались врагам» (*Pudeat iam nunc dominos pene totius Europae inimicis manus dare*). В обоих фразах присутствует один мотив — претензии на власть над Европой. Святослав, как и Оттон, расширял владения в ее пределах, только в Юго-Восточной Европе. Оттон теснил в конце 60-х годов X в. Византию в Италии, Святослав (вероятно, в союзе с ним [Назаренко, 2001, с. 337–338]) — на Балканах.

Таким образом, можно полагать, что Святослав Игоревич, князь, не воспринявший проповедь христианства со стороны германского короля, тем не менее оказался впечатлен тем, что рассказывали его посланники в 960-х годах о полководческих подвигах Оттона; это отразилось в речах русского князя, в первую очередь в произнесенной перед сражением с византийцами в 971 г. под Доростолом, которая произвела сильное впечатление на современников и была донесена как русской, так и византийской традицией историописания²⁴.

Литература

- Гиппиус А. А. История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.). АДД. М., 2006.
- Грацианский М. В. Еще раз об источниках «Истории» Льва Диякона // ВВ. М., 2013. Т. LXXII (XCVII). С. 68–85.
- Королев А. С. Святослав. М., 2011.
- Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Назаренко А. В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 год. М., 1994.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.
- Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. II. Комментарии (Д. С. Лихачев).
- Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I (Древняя Русь). С. 13–410.
- Санчук Г. Э. Видукинд Корвейский и его «Деяния саксов» // Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975. С. 5–63.
- Сюсюмов М. Я. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы // Византийское обозрение. Юрьев, 1916. Т. II. С. 106–166.
- Толочко П. П. Летописные известия о походах Святослава на Дунай и их источники // ВВ. М., 2007. Т. LXVI (XCI). С. 146–154.
- Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001 (переизд. работы 1908 г.).

²² Лев Диякон. История. С. 56; Leonis Diaconi Caloensis Historiae. P. 105 (VI, 10).

²³ Ср.: «предложение ромеям покинуть Европу, исходящее из его уст, выглядит по меньшей мере неестественно» [Королев, с. 205].

²⁴ Возможно, воздействие этой речи Святослава в позднейшее время не ограничивается эпизодом со Святославом Ярославичем 1068 г. (см. примеч. 9). Сходство с ней обнаруживается в двух сагах о норвежских конунгах. Олаву Трюггвасону перед его последней битвой (1000 г.) воины советовали уплыть, не принимая бой, ввиду численного превосходства противника (ср.: «видѣвши же Русь, убояшася зѣло множества вои»), на что он ответил: «Уберите паруса, не должны мои люди думать о бегстве! Я никогда не бежал из битвы. Пусть Бог распорядится моей жизнью, но я никогда не обращусь в бегство» (цит. по: *Снорри Стурлусон. Круг земной*. М., 1980. С. 160). В речах Святослава (как в русском, так и в греческом изложении) отказ от бегства произносится тоже неоднократно. Харальд Сигурдссон перед битвой с датчанами (1062 г.) также оказался перед превосходящими силами врагов и многие его люди советовали бежать. Конунг ответил: «Скорей каждый из нас упадет мертвым один на другого, чем побегит» (Там же. С. 437). Это напоминает слова Святослава «ляжемь костью ту... не имамъ убѣжати» и ответ его воинов: «гдѣ, княже, глава твоя, ту и главы наша сложимъ». Олав Трюггвасон много лет провел на Руси, при дворе Владимира, сына Святослава; Харальд Сигурдссон немалое время пребывал у Ярослава Владимировича, женился на его дочери; трудно допустить, что они не слышали рассказов о походах Святослава. Разумеется, сходство их речей со Святославовой несравненно меньше, чем между последней и речью Оттона (совпадают только два-три мотива), поэтому вопрос о возможном влиянии нуждается в дополнительном изучении (к тому же на Харальда могла повлиять уже и речь Олава).